

Д.В. ГРИГОРЬЕВ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Война в период античности играла значительную роль. Она являлась даже частью экономической жизни. В результате военных действий пополнялись ряды рабов, которые активно использовались в хозяйстве. Происходил захват плодородной земли, других ценных природных ресурсов, осуществлялся контроль над важными торговыми путями, появлялся стимул для развития особой отрасли ремесла (оружейное), которая обслуживала военные интересы. В общественной жизни каждый гражданин античной общины обязан был выполнять функции воина. Великая греческая колонизация привела к появлению многочисленных контактов эллинов с другими народами. Формы взаимодействия были различными. Нахождение в незнакомом, по существу враждебном окружении, создавало особые условия для военной сферы жизни именно в районах колонизации. В связи с этим, для нас важно понять значимость военного аспекта в отношениях между эллинами и варварами и особенности его отражения (выражения) в вещественной форме.

В учебной литературе отмечается, что «организация военной агрессии против стран «варварского» мира является одной из основных целей полиса» [Андреев, 1982, с.94]. Изначальный военизированный настрой колонистов прямо отмечается в специальной энциклопедической литературе, где указывается: «Местных жителей колонизаторы или покоряли и эксплуатировали, как илотов, или изгоняли». К этому же надо добавить упоминание важной статьи экспорта колонии – рабов [Словарь античности, 1993, с.277]. Эта же линия подтверждается и уточняется в учебной литературе. В ней делается упор на то, что местное население мешало колонистам в случае преобладания аграрного характера колонизации [Циркин, 1989, с.360]. Преобладание торгового характера колонизации подразумевает установление предварительных торговых связей, а затем выведение самого поселения. Правда, аборигены должны достичь необходимого уровня развития, чтобы вести торговлю с греками. Кроме того, подчеркивается этнический аспект колонизации – дорийцы стремились ставить аборигенов в зависимое положение (это с необходимостью подразумевало влияние военного аспекта отношений), ионийцы же поддерживали с варварами сначала более равноправные отношения [Циркин, 1989, с.367]. Соответствие материалов данного типа литературы и современных научных

представлений важно учитывать, поскольку часто именно учебная и справочная литература предоставляет первичную информацию для интересующихся теми или иными вопросами истории.

В научной литературе отдельные исследователи также настаивали на «империалистическом» характере греческой колонизации, хотя и с отдельными оговорками [Колобова, 1951, с.154; Фролов, 1988, с.157]. Правда, «империализм» имелся в виду как в форме военного давления, так и в форме неэквивалентного обмена в экономической сфере. Очевидно такие представления были связаны, во-первых, с некоторой модернизацией целей и особенностей греческой колонизации и смешиванием ее с колониальными захватами Нового и Новейшего времени, во-вторых, возможно, сыграла свою роль идеологическая составляющая.

Сейчас исследователи отошли от крайностей идеологии, но определенные линии модернизации греческой колонизации продолжают существовать. Но это отдельная тема.

В зарубежной литературе присутствуют разные представления о взаимоотношениях между греками и варварами. Тем не менее, в той или иной форме военный компонент отмечается (изгнание, превращение в зависимое население, периодические конфликты) [Грэхэм, 2007, с.189-190]. Существуют и специальные исследования о роли военной сферы в отношениях между колонистами и местным населением (пиратство, охота за рабами, прямое подчинение и превращение в зависимый слой местного населения) [Rihl, 1995, р. 77-107]. Стоит отметить, что собственно военные цели, как причина для вывода большинства апойкий архаического периода, едва ли занимали преобладающее место в ходе колонизации. В основном военный аспект играл сопутствующую роль в процессе освоения новых земель. Только в период создания военных союзов полисов военные цели колонизации выдвигаются вперед. Но и в этой ситуации они тесно соседствуют с аграрными интересами.

Совершенно справедливо отмечают авторы отечественной коллективной монографии, которая посвящена греко-варварским взаимоотношениям в Северном Причерноморье, что чрезвычайно сложная система разноплановых отношений между греческими колониями и местным окружением не укладывается в простейшие схемы «антагонизма двух миров» или «идиллически мирного сосуществования» [Греки и варвары..., 2005, с.8]. В связи с этим, сложно выделить соотношение и наличие разных компонентов в той или иной форме отношений. Данная работа будет посвящена преимущественно военному компоненту отношений эллинов и варваров Северного Причерноморья.

Наиболее сложным для интерпретации является период раннего освоения территории Северного Причерноморья, поскольку письменные данные очень скудны и существует возможность только рассматривать археологические материалы и использовать так называемые общеисторические рассуждения, известные на основе рассмотрения этапа перехода от поздней первобытности

к цивилизации. Мы должны обязательно учитывать, что эллины архаического периода, конечно, значительно продвинулись в общественно-экономическом развитии, но многие принципы внутренних отношений остались сходными с тем, что было характерно для скифов – родовой характер взаимоотношений, свойственный эллинам в архаический период.

В связи с этим существуют работы, которые возражают против поспешной интерпретации отношений греков и варваров (равно модернизации) как безусловно торговых уже на самом раннем этапе отношений [Кузнецов, 2000; он же, 2009].

Обратимся к конкретным фактам. В первую очередь речь идет о варварской территории. Поэтому существенную роль в изучении проблемы играют работы скифологов. Свою задачу мы видим в определении масштабов раннего греческого импорта на варварских памятниках Северного Причерноморья, чтобы понять характер существовавших связей и оценить ситуацию, сложившуюся по этому вопросу в науке.

Рассматривая ситуацию со скифами, мы должны учитывать, что они принадлежали к кочевому хозяйственно-культурному типу. Следовательно, на первом этапе – главный вещественный след – это курганные погребения знати. Второй аспект – в любом обществе, находящемся на этапе предгосударственности, ведущую роль занимает аристократия. Это относится особенно к сфере внешних отношений как области обращения престижных предметов, которые определяют место в социальной структуре. Именно поэтому погребальные памятники аристократии и являются первым фактом в определении особенности внешних связей разных социумов.

Раннескифский период обычно характеризуется слабой заселенностью степной зоны Северного Причерноморья [Алексеев, 1996, с.8; Гаврилюк, 2008, с.78; Мелюкова, 1988, с.16]. По-видимому, можно говорить и о слабой заинтересованности населения лесостепной зоны в связях с приморскими районами, поскольку отсутствуют следы поселений и стоянок, свидетельствующие об этом. Поэтому в момент появления эллинских поселений, которые вряд ли сразу выводились как торговые, прямых связей между Лесостепью и Приморскими районами не могло существовать.

Эллинам важна была безопасность и это отражалось на особенности расположения их поселений (Березань на полуострове, все остальные на побережье, но в относительно защищенных с берега бухтах). Очевидно, такие условия предполагали определенное стремление обезопасить себя от внешней угрозы (возможно мнимой, но воспринимаемой как реальной).

Рассматривая погребальные комплексы варварской знати, попытаемся опираться на известные археологические данные.

Общеизвестным фактом является появление наиболее ранней колонии в Северном Причерноморье во второй половине VII в. до н.э. (Березань) [Марченко, 1980, с.133]. Спорной остается ситуация вокруг даты основания Таганрогского

поселения – третья четверть VII в. до н.э. [Копылов, 1999, с.174; Копылов, 2006, с.80], либо конец VII – начало VI вв. до н.э. [Кузнецов, 2009, с.290].

Этим же периодом (вторая половина VII в. до н.э.) датируется ряд скифских погребальных комплексов: центральная камера кургана Темир-гора в Восточном Крыму близ современной Керчи (40-е гг. VII в. до н.э. – по родосско-ионийской ойнохойе) [Копейкина, 1972, с.158; Мурзин, 1984, с.19; Мелюкова, 1988, с.15; Скифские погребальные..., 1986, №271, погр.81, с.43], впускное погребение в кургане у с.Филатовка на Перекопе (также по родосско-ионийской ойнохойе – 635-625 гг. до н.э.) [Корпусова, 1980, с.100-103; Скифские...1986, №266; с.44, 297; Мелюкова, 1988, с.15], у с.Болтышка Кировоградской области [Скифские погребальные памятники..., 1986. №71. С.18, 226]. Все они датируются по расписной античной посуде.

Классическими являются примеры погребений Келермесских курганов в Прикубанье, которые датируются от третьей четверти VII по рубеж VII-VI вв. до н.э. [Галанина, 1983, с.52], в которых присутствуют предметы, произведенные в греческих мастерских – серебряные зеркало и ритон.

Кроме того, известны погребальные скифские комплексы района Подонья-Приазовья, в которых также обнаружена ранняя греческая керамика: Криворожский курган на р. Калитве, сосуд из Хоперского округа, могильник Красногоровка III (последняя четверть VII – первая треть VI в. до н.э.), комплекс у станции Хапры (конец VII – первая половина VI в. до н.э.) [Копылов, 2006, с.85-86].

Таким образом, в рамках VII в. до н.э. возможно датировать сравнительно небольшое количество скифских погребальных комплексов, которые содержали греческие изделия (керамика или предметы из драгоценных металлов). Важно отметить, что существовало и некоторое количество скифских погребений и без греческих вещей. Поэтому нет возможности говорить о всеохватности связей колонистов и скифов, хотя из известного количества памятников затронуто большинство.

Интересно, что в ранней греческой поэзии (Алкей) упоминается Ахиллес, правящий в Скифии. В результате весьма скрупулезного исследования, А.И. Иванчик пришел к выводу, что во времена Алкея (конец VII – первая треть VI вв. до н.э.) Ахиллес уже прочно связывается с Левкой в Северном Причерноморье и, вероятно, его культ на острове уже существовал, причем, возможно одновременно с появлением колонии на Березани [Иванчик, 2005, с.82]. Это любопытное предположение позволяет говорить о том, что на рубеже VII-VI вв. до н.э. скифы становятся известны в Греции. Следовательно, отношения между эллинами и номадами должны стать регулярными.

Нам интересно понять место указанных находок в греко-варварских отношениях.

С одной стороны они воспринимаются как факты торговых отношений между эллинами Березани и Таганрогского поселения и скифами [Ко-

пылов, 2006, с.88]. Высказываются взгляды и о прямых связях торгового характера между эллинами и лесостепным населением [Марченко, 2005, с.51-52], хотя и под контролем номадов. Выше мы обращали внимание на отсутствие каких-либо следов заинтересованности населения Лесостепи в прибрежных районах. При этом заинтересованность собственно кочевого элемента могла быть, учитывая широкий ареал перемещений орды

Надо иметь в виду, что самый ранний этап существования эллинских поселений находится в определенной «темноте». Неизвестна численность коллектива, который создал колонию, но едва ли он был многочисленный. Известна вообще плохая сохранность архаических культурных слоев, испытавших на себе более поздние перестройки и перепланировки. В отношении Березанского поселения эта особенность породила даже скептицизм в определении даты его основания и попытку перенести ее несколько позднее традиционной, связывая с появлением первых твердо установленных строительных комплексов [Соловьев, 2005, с.9-10]. Все же, несмотря на такую ситуацию на памятнике, нельзя игнорировать информацию письменной традиции, да и существование самого культурного слоя второй половины VII в. до н.э. отрицать трудно. Еще сложнее и гипотетичнее положение с Таганрогским поселением, скрытым под водами Азовского моря.

Тем не менее, взаимодействие колонистов и варваров существовало. По-видимому, на первом этапе со стороны колонистов не было особого стремления в установлении контактов с удаленными территориями. У них была более важная задача – освоение ближайшего пространства. Поэтому можно предполагать, что именно скифы-кочевники оказались тем фактором, который послужил активизации внешних связей эллинов. С другой стороны появление нового населения на побережье также должно было способствовать повышению интереса к этому району со стороны скифов.

В связи с этим появление греческого импорта VII в. до н.э. в скифских погребениях можно связывать скорее с дипломатической формой контактов, чтобы избежать вероятных открытых военных конфликтов, в которых малочисленные эллины не были заинтересованы. При этом, действительно, пока особое и не совсем понятное положение занимают вещи из Келермесских курганов. Они, очевидно, имеют престижный характер в силу материала изготовления, культовой направленности и художественных особенностей.

Оценивая художественные достоинства тех или иных изделий архаических эллинов, мы оказываемся в неоднозначной ситуации. Для нас это шедевры, для греческих ремесленников, очевидно, тоже. Но есть опасность переоценить или недооценить художественные вкусы скифской аристократии. По-видимому, это был период развития варварского общества, когда для потребителя более важным был материал изготовления предмета (келермесские зеркало и ритон из серебра) – это придавало ему особую ценность, поскольку он не каждому доступен. Если предмет изготавливался по заказу, то важной

была особенность его функционального назначения (культово-ритуальное, военное, бытовое). В зависимости от этого и в связи с определенным материалом выявлялась конкретная значимость изделия. Думается, что только на третьем месте находилась чисто эстетическая сторона.

Сложнее с этой точки зрения оценивать расписную керамику греков. Поскольку для варваров, в первую очередь, ценность представляла бы металлическая посуда. Поэтому можно предполагать, что престижность появления расписной керамики в варварских погребениях определялась не художественно-эстетическими ее качествами, а символической ценностью. Это могло произойти тогда, когда сосуд был наполнен чем-либо в момент его вручения и особенности самой ситуации вручения.

В случае первой встречи скифов с эллинами, конечно, возникала ситуация организации контакта с целью ликвидировать вероятную угрозу нападения со стороны кочевников. Естественно, факт вручения сосуда с содержимым должен был сопровождаться некими ритуальными действиями или обстановкой, которая резко повышала ценность предмета и превращала его в престижный для получателя. При этом надо понимать, что со стороны эллинов по отношению к скифам не было никакого обмана. Это не были отношения между высокоцивилизованными эллинами и грубыми низкокультурными варварами.

Скифы-кочевники, очевидно, выступали в качестве посредников между античными поселениями и лесостепными. Очень вероятно, что наиболее ранние примеры греческой керамики именно так и попали на территорию Лесостепи. Торговая заинтересованность, в силу недостаточности потенциала греческих поселений VII в. до н.э., не могла сформироваться сразу. Необходимо было «прощупать» друг друга, чтобы понять, насколько перспективны эти связи.

Престижные предметы существовали и в отношениях между оседлыми культурами. Правда, здесь можно привести в пример балканские материалы. На Евбее известны два погребения с фаянсовыми бусами, голубой фриттой и стеклом, которые считаются финикийскими по происхождению и датируются X в. до н.э. Погребения в афинском Керамике (бронзовая финикийская чаша IX в. до н.э.) и на афинской агоре (изделия из слоновой кости, стеклянные бусы и золотые предметы финикийские – IX в. до н.э.). Все эти примеры также не всегда возможно считать результатом торговой деятельности. Это мог быть обмен дарами между вождями (престижный) не представлявший собой еще торговли, причем внутри греческого мира [Старр, 2007, с.518] и поэтому мог быть эпизодическим.

Таким образом можно согласиться с тем, что второй период истории Северного Причерноморья (середина VII – первая четверть V в. до н.э.) характеризовался относительно мирными отношениями между греками и местным населением (особенно вторая половина VII в. до н.э.) [Виноградов, Марченко, 2005, с.32]. Это был период налаживания первичных отношений, своеобразная разведка возможностей в форме примитивной дипломатии с при-

ношениями престижных даров менее воинственной стороной. Следовательно, в чистом виде военный аспект на самом первом этапе взаимоотношений греков и скифов играл скрытую роль и представлял лишь определенную угрозу конфликта. Разумеется, что мы не можем отрицать существования каких-то разовых или случайных стычек, которые в археологическом плане не оставляют следов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии (VII-IV вв. до н.э.). Автореф. дисс. д.и.н. СПб. 1996.
- Андреев Ю. В.* Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира. М. 1982. Т. II.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.
- Гаврилюк Н. А.* Оборонительная система в Степном Приднепровье в раннем железном веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь. 2008.
- Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1983, вып. 24.
- Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху.* СПб. 2005.
- Грэхэм А.-Дж.* Колониальная экспансия Греции // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII-VI века до н.э. М. 2007.
- Иванчик А. И.* Накануне колонизации. Москва-Берлин. 2005.
- Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX-VII вв. до н.э.). Л. 1951.
- Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-гора // ВДИ. 1972. 1.
- Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // ВДИ. 1999. 4.
- Копылов В. П.* Греко-варварские взаимоотношения в районе р. Танаис в VII-VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII-I вв. до н.э. СПб. 2006.
- Корпусова В. Н.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. 1980. 2.
- Кузнецов В. Д.* Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. 1.
- Кузнецов В. Д.* Причерноморские греки в варварской земле // Древности Боспора. Вып. 13. М. 2009.
- Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. 1.
- Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.
- Мелюкова А. И.* Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. Тб. 1988.
- Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев. 1984.
- Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья.* Киев. 1986.
- Словарь античности.* М. 1993.
- Соловьев С. Л.* Античная Березань: вчера и сегодня // Борисфен-Березань. СПб. 2005.
- Старр Ч.* Экономические и социальные условия в греческом мире // Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира VIII-VI века до н.э. М. 2007.
- Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л. 1988.
- Циркин Ю. Б.* Финикийская и греческая колонизация // История древнего мира. М. 1989. Т. I.
- Rihll T.* War, slavery and settlement in early Greece // War and society in the Greek world / Ed. by Rich J., Shipley G. - L.; N.Y., 1995.

